

Противоречие правопорядку и нравственности как основание недействительности сделок в международном частном праве и праве Российской Федерации

Федчук Д.В.*

В статье рассматривается одно из оснований признания сделки недействительной – противоречие основам правопорядка и нравственности, анализируется историческое развитие понятий «публичный порядок» и «добрые нравы», исследуется регулирование данного вопроса на уровне международного частного права, даются рекомендации по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: публичный порядок; добрые нравы; сделки; недействительность; реституция; конфискация.

Характерной особенностью современной внешней торговли является рост числа и видов ее субъектов (как физических, так и юридических лиц), являющихся предпринимателями различных стран, а также количества и многообразия заключаемых ими договоров. Важным моментом правового регулирования внешнеторговых договоров является возможность применения к ним императивных норм национального права стран сторон договора, причем не только как применимого права по договору, но и права, не являющегося таковым (*lex contactus*). Особое место среди них отводится положениям, охватываемым понятиями «основы правопорядка», «публичный порядок», «общественная нравственность», «основополагающие принципы морали», «добрые нравы» и т.п.

Несмотря на действие принципа «свободы договора», признаваемого в частном праве большинства стран в качестве одного из базовых принципов, все национальные правопорядки признают недействительными договоры, противоречащие вышеуказанным положениям.

Общепризнанным в судебной практике является тот факт, что при решении вопроса о признании договора недействительным

---

* Федчук Дмитрий Валерьевич – аспирант кафедры частного права Всероссийской академии внешней торговли. fedchuk_dmitry@bk.ru.

по указанным основаниям, задачей суда является определение того, действовали ли стороны, вступая в правоотношения, в рамках дозволенного добрыми нравами и публичным порядком.

Данный вопрос является актуальным в том числе и для российской правовой системы, переживающей в настоящее время период возрождения и становления частного права, что следует из современной судебной практики рассмотрения предпринимательских споров¹. В подтверждение вышеизложенного можно сослаться на Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 года №22, в котором была сделана попытка определения круга отношений, составляющих «основы правопорядка» и «основы нравственности»².

Нормы, согласно которым договор признается недействительным по основаниям противоречия «публичному порядку» и «добрым нравам» в различных странах по своей сути носят схожий характер, независимо от того, являются они нормами писаного права в континентальной правовой системе или неписаными нормами англо-американской правовой системы. Но, как показывает практика, эти нормы, при всем своем внешнем подобии, порой наполняются существенно различающимся содержанием.

Поскольку право большинства государств ограничивается лишь общим описанием критериев, относящимся к терминам «публичный порядок» и «добрые нравы»³, специфическое содержание они получают только в результате их судебского толкования при рассмотрении конкретных дел. В результате складывается ситуация, при которой понятия «публичный порядок» и «добрые нравы» в различных странах определяются по-разному, исходя из сложившихся в этих странах представлений о праве и морали.

---

¹ За 2009 год арбитражными судами Российской Федерации рассмотрено приблизительно 34 000 судебных дел о признании договоров недействительными./www.arbitr.ru.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 года № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/19013.html.

³ А.П. Белов отмечал: «Существующие определения носят слишком общий характер, из которого нельзя сделать вывод с достаточной точностью, о каких императивных нормах, соответствующих публичному порядку, может идти речь в соответствующей стране» // Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право, общие положения, М.: Статут, 1999 г., книга 1, с. 186.

Проблема применения указанных оснований недействительности договоров еще более осложняется, в случае если сторонами по договору выступают представители разных стран. Когда договор «отягощен» иностранным элементом, возникает необходимость преодоления могущей возникнуть проблемы квалификации понятий «публичный порядок» и «добрые нравы», действующих в разных правовых системах, применительно к договорам.

Зарождение и развитие понятий «публичный порядок» и «добрые нравы»

Как отмечается в юридической литературе, истоки данного основания недействительности договоров уходят далеко в прошлое и поэтому изучение развития соответствующего института и его особенностей в различные периоды истории представляют значительный научный интерес. Это вызвано тем, что такие критерии юридической квалификации человеческого поведения, как его соответствие правопорядку, нравственности, добрым нравам, интересам государства и общества, а также практика применения этих критериев являются своего рода индикаторами, показывающими «достаточно информативный срез общественной жизни на конкретном этапе ее развития, динамичность преобразований в ее политической, экономической, идеологической, культурной сферах»⁴.

Нарушение добрых нравов еще в римском праве существовало в качестве самостоятельного основания недействительности договоров. Оно использовалось наравне с признанием недействительными противозаконных соглашений. Так, например, одно из принципиальных положений римского права гласило, что ничтожным является договор, содержание которого противоречит закону и добрым нравам.

Из римского права в законодательстве стран, относящихся к континентальной системе права, возник сам термин «добрые нравы» (“*boni mores*”). Позаимствованное из римского права правило о ничтожности договоров, противоречащих добрым нравам, получило широкое распространение и было закреплено в законодательстве многих стран.

Римское право не знало такого основания недействительности договоров как нарушение публичного порядка. В качестве предпосылки, подготовившей условия для появления концепции публичного

---

⁴ Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок. Теоретический очерк, М.: Статус, 2008, с. 16.

порядка, можно рассматривать выработанную римским правом концепцию добрых нравов.

Концепция публичного порядка была выработана и детально разработана французской доктриной и судебной практикой, откуда она впоследствии была позаимствована другими странами (в том числе и российским дореволюционным законодательством), а также стала использоваться в международном частном праве. Термин «публичный порядок» (“*ordre public*”), как таковой, впервые был использован во Французском гражданском кодексе 1804 г. (далее – ФГК). Исходным положением для концепции публичного порядка послужила статьяб ФГК, запрещающая посредством частных соглашений «отступать от законов, которые затрагивают публичный порядок и добрые нравы». Иными словами, в силу статьиб ФГК соглашения между частными лицами являются недействительными, если они противоречат законам, затрагивающим публичный порядок или добрые нравы. В этой статье ФГК был по существу воссоздан принцип римского права “*ius cogens privatorum pactis mutari non potest*” «нельзя частными соглашениями изменять принудительные нормы»⁵.

В юридической доктрине не сложилось единого мнения по поводу соотношения понятий «нравственность» и «добрые нравы». Так, более века тому назад немецкий юрист Леонгард, отмечая, что глубоко нравственный поступок может как соответствовать добрым нравам, так и нарушать их, писал: «Нравы покоятся на внешних правилах благоприличия, нравственность – на внутреннем состоянии совести. Добрые нравы имеют своим основанием общественное мнение, нравственность – стремление совести к внутреннему покою и миру». По выражению выдающегося российского правоведа начала XX века, И.А.Покровского, «добрые нравы» это «то, что окружает нас на земле и что представляет из себя сумму нередко самых низменных компромиссов... Это нечто условное и формальное в не меньшей мере, чем условно и формально само право...»⁶.

---

⁵ Афанасьев Д.В. Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей, отв. редактор М.А. Рожкова, М.: Статут, 2006.

⁶ Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок. Теоретический очерк, М.: Статут, 2008, с. 25.

Понятия публичного порядка и добрых нравов в российском гражданском праве

Современное российское гражданское законодательство также предусматривает положения о недействительности договоров, противоречащих публичному порядку и добрым нравам. В соответствии со статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, является ничтожной⁷.

Понятие «основы правопорядка» по своему содержанию во многом тождественно понятию «публичный порядок»; на это, в частности, указывает, часть 1 статьи 1193 ГК РФ. Верховный суд РФ в своем решении по одному из споров отменил решение нижестоящего суда, указав, что понятие «публичный порядок» не совпадает с содержанием всего российского законодательства, поскольку под ним следует понимать лишь основы общественного строя российского государства⁸.

Если проследить историю возникновения положений, сформулированных в статье 169 ГК РФ, то можно обнаружить, что похожее основание признания сделки недействительной, было знакомо и российскому дореволюционному законодательству. Статья 1528 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи устанавливала, что цель договора «должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку». «Непротивность благочинию», по разъяснению Правительствующего Сената, означала соответствие договора понятиям нравственности. В соответствии со статьей 1529 Свода законов «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению оного есть достижение цели, законами запрещенной...»⁹.

В проекте русского Гражданского уложения 1905 года, подготовленном Высочайше учрежденной в 1882 году Редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения,¹⁰ такое основание недействительности сделки как «непротивность благочинию» было заменено на «непротивность добрым нравам». Статья 94 проекта устанавливала:

---

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 // «Российская газета» от 08.12.1994 № 238-239.

⁸ Суханов Е.А. Антисоциальные сделки в науке и практике // ЭЖ-Юрист, 2005, № 8.

⁹ Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок. Теоретический очерк, М.: Статут, 2008, с. 16.

¹⁰ Гражданское уложение осталось на уровне проекта, так и не став законом (прим. автора).

«Недействительны сделки, противные закону, добрым нравам или общественному порядку».

Статьей 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года (далее – ГК РСФСР) было установлено три основания признания недействительности сделки по причине незаконности ее содержания: совершение сделки с целью, противной закону, в обход закона или в явный ущерб государству. При этом, ГК РСФСР отказался от такого основания недействительности сделки, как ее противоречие нравственности. Тем не менее, некоторые авторы считали, что в случае противоречия сделки нравственности (которая объективно выражалась в правилах социалистического общежития) такая сделка должна признаваться ничтожной¹¹.

Важной особенностью данной редакции ГК РСФСР являлся тот факт, что впервые в российском законодательстве за совершение указанных выше категорий договоров устанавливались конфискационные санкции. Статья 147 ГК РСФСР устанавливала, что в случае недействительности договора, как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства, ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, а неосновательное обогащение взыскивается в доход государства.

В период действия ГК РСФСР 1922 года статья 30 во взаимосвязи со статьей 147 активно обсуждалась в трудах российских цивилистов этого периода (Д.М.Генкин¹², И.Б.Новицкий¹³, В.А.Рясенцев¹⁴ и др.). Дискуссии вызвал, в частности, вопрос о том, как следует понимать используемое в ней выражение «с целью, противной закону» как указывающее лишь на объективную сторону сделки, то есть на то, что недействительной являлась такая сделка, цель которой объективно (независимо от намерений сторон сделки) противоречит закону, или указывающее на возможность применения статьи 30 ГК РСФСР лишь при наличии субъективного момента в виде прямого намерения стороны сделки осуществить противозаконную цель.

---

¹¹ Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок. Теоретический очерк, М.: Статут, 2008, с. 18.

¹² Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону, Учен. зап. ВИЮН, Вып. 5, М.: Юриздат, 1947.

¹³ Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.

¹⁴ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Учен. зап. МГУ, выпуск № 144 Труды юридического факультета, книга 3, М., 1949.

Насколько можно судить по редакции статьи 49 ГК РСФСР 1964 года, пришедшего на смену ГК РСФСР 1922 года, в результате дискуссий возобладало выраженное Д.М.Генкиным мнение о том, что применение предусмотренных статьей 147 ГК РСФСР 1922 года карательных санкций целесообразно при нарушении не любых нарушений закона, а лишь таких, «которые нарушают нормы, определяющие и оберегающие социалистический строй СССР», а также лишь при наличии у совершающего сделку лица прямого умысла на достижение противоречащего указанным нормам результата¹⁵.

Конструкция статьи 169 ГК РФ 1994 года практически в неизменном виде восприняла принципы построения статьи 49 ГК РСФСР 1964 года. Изменилось лишь формулировка данного основания признания сделки ничтожной, а именно, «интересы государства и общества» были заменены на «основы правопорядка и нравственности». Что же касается последствий ничтожности указанных сделок, то они определяются в статье 169 ГК РФ 1994 года так же, как они были определены в статье 49 ГК РСФСР 1964 года.

Концепции публичного порядка и добрых нравов в международном частном праве

Несмотря на длительную историю развития и наличие во многих случаях единых источников происхождения положений о содержании и правовых последствиях договоров, совершенных с целью, заведомо противной публичному порядку (основам правопорядка) или добрым нравам (нравственности), как правовое регулирование, так и практика применения данного института в праве большинства стран не отличается единообразием. В контексте международного экономического оборота данная проблема приобретает еще большую актуальность в связи со стремлением его участников обеспечить единообразие регулирования договоров, имеющих иностранный элемент, не с позиций какого-либо отдельного национального права, а основываясь на регулировании, имеющем международное происхождение и отражающем потребности международного оборота.

Наиболее существенными являются различия, имеющие место при рассмотрении вопроса о последствиях ничтожности вышеуказанных договоров. Так, в частности, в правовой доктрине отмечается,

---

¹⁵ Эрделевский А.М. Об антисоциальных сделках и их последствиях // КонсультантПлюс, 2007.

что вокруг правила о “*soluti retention*” («удержание исполненного»), уместности и целесообразности его включения в гражданский кодекс, возобновляется старинный спор, некогда разделивший юристов и христианских моралистов на два лагеря. Имеется в виду вопрос о целесообразности восприятия законодателем решения, выдвинутого еще в Средние века доктриной томизма и позитивно принятого в некоторых современных правовых порядках, в том числе советском, а затем и российском¹⁶.

Признавая значимость указанной проблемы, в особенности, в области правового регулирования международного экономического сотрудничества, а также руководствуясь целями гармонизации и унификации соответствующих норм национального частного права Международный институт по унификации частного права (далее – УНИДРУА) включил вопрос о ее углубленном исследовании в программу своей работы над Принципами международных коммерческих договоров (далее – Принципы УНИДРУА). Одна из глав находящегося в настоящее время в процессе разработки дополнения Принципов УНИДРУА посвящена регулированию международных коммерческих договоров, противоречащих основополагающим принципам и императивным нормам (“*Illegality*”)¹⁷.

В проекте комментариев, подготовленных экспертами УНИДРУА, дается пояснение, что под «основополагающими принципами» понимаются не все принципы нравственности и публичного порядка, признаваемые в качестве основополагающих на национальном уровне, а именно принципы, широко признаваемые в качестве основополагающих различными правовыми системами.

Как следует из вышеизложенного, «основополагающие принципы» включают в себя не только принципы публичного порядка, но и принципы добрых нравов (нравственности). В целях устранения различий

---

¹⁶ В средние века конфискации было дано теоретическое обоснование именно в качестве *soluti retentionis*. Соответствующее решение предлагалось Фомой Аквинским для борьбы с симонией (торговлей церковными должностями): «Поскольку в этом случае получатель, присваивая исполненное в его пользу, действует запрещенным образом, он не может это удерживать, и оно должно быть исполнено для целей Святой церкви» // Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение), Сборник научных трудов в честь проф. Б.Л. Хаскельберга/ под редакцией Д.О. Тузова, М.: Статут, 2008.

¹⁷ Secretariat Memorandum – Working Group (III) for the preparation of Principles of International Commercial Contracts, 1st session, Rome// <http://www.unidroit.org/english/documents/2006/study50/s-50-099-e.pdf>.

в толковании понятий «публичный порядок» и «добрые нравы» в национальном праве разных стран, в комментариях четко оговаривается, что во внимание принимаются не все принципы, а только те из них, которые признаются правовыми системами на глобальном уровне. К таким принципам, в частности, могут быть отнесены принципы, устанавливаемые в международных конвенциях, в частности, запрет принудительного и детского труда, предотвращение «отмывания» денег и т.д.

В проекте данной главы указываются также последствия заключения договоров, попадающих под данное регулирование. Однако в отличие от российского законодательства применение таких последствий ставится в зависимость от обстоятельств, существующих при заключении таких договоров. Так, например, признается действительным в целом договор, часть которого признана противоречащей основополагающим принципам и императивным нормам (ст. 1 проекта), если только при тщательном рассмотрении обстоятельств дела не будет разумным сделать иной вывод.

В статье 2 проекта указывается, что в случае, когда обе стороны знали или должны были знать о фактах, при которых заключаемый договор противоречит основополагающим принципам, ни одна из сторон не имеет право на применение средств судебной защиты, определенных в нем. При этом пункт 2 этой же статьи предусматривает, что в случаях, когда сторона не знала и не могла знать о фактах, при которых заключаемый договор противоречит вышеуказанным принципам, она имеет право на использование средств судебной защиты, которые будут являться разумными при определенных обстоятельствах.

Такой же подход используется и при определении последствий заключения договоров, противоречащих императивным нормам. Так в статье 4 указывается, что нарушение императивных норм влечет за собой последствия, четко определенные такими императивными нормами; в случае если указанные последствия нормами не определены, стороны могут прибегнуть к таким средствам судебной защиты, применение которых было бы разумным при данных обстоятельствах. При определении критериев разумности во внимание должно быть принято следующее:

- (а) цель императивной нормы, которая была нарушена;
- (б) категория лиц, в защиту прав которых существует данная императивная норма;

- (с) санкции, которые могут быть применены в соответствии с императивной нормой, которая была нарушена;
- (d) важность нарушенной императивной нормы;
- (е) было ли нарушение умышленным;
- (f) причинно-следственная связь (closeness of the relationship) между нарушением и договором.

В качестве общего правила в проекте главы устанавливается, что в случае, когда имело место исполнение по договору, противоречащее основополагающим принципам и императивным нормам, применяется реституция, если при конкретных обстоятельствах применение реституции будет разумным. Из сказанного следует, что при решении вопроса о реституции, судья должен учесть и взвесить возможные последствия такого решения.

Аналогичные положения относительно договоров, противоречащих основополагающим началам и императивным нормам, содержатся также в Принципах европейского договорного права¹⁸.

Что же касается российского законодательства, то оно устанавливает более жесткие правовые последствия для таких случаев и не дифференцирует последствия в зависимости от соответствующих обстоятельств. Если совершенная сторонами сделка была квалифицирована судом, как сделка, подпадающая под действие статьи 169 ГК РФ, будут применены конфискационные последствия в виде взыскания всего полученного по такой сделке (либо части, в случае односторонней реституции) в доход государства, вне зависимости от вида сделки и сопутствующих обстоятельств.

В качестве общего вывода следует отметить, что в российском гражданском праве отсутствует какое-либо единое и полное определение термина «основы правопорядка и нравственности» как основания недействительности сделки, влекущего конфискационные последствия. Из позиции Конституционного суда Российской Федерации, однако, следует, что указанное не составляет проблему, поскольку эти понятия, как и все прочие оценочные понятия, «наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика»¹⁹. Между тем, практика свидетельствует

---

¹⁸ Principles of European Contract Law (2002) // <http://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/portrait.pdf>.

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. N 226-О // http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/S__vvkDul8r/PILOT/main.html.

о том, что применение неопределенных, расплывчатых понятий чревато отрицательными последствиями; именно к такому выводу можно прийти, проанализировав, в частности, практику предъявления налоговыми органами исков о признании сделок, направленных на уклонение от уплаты налогов, недействительными (антисоциальными) по основаниям их противоречия основам правопорядка и нравственности.

Согласно сформированной Конституционным Судом РФ в определении от 8 июня 2004 г. N 226-О позиции «квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит заведомо и очевидно для участников гражданского оборота основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий». Эта позиция, в соответствии с которой сделки, совершенные с целью неуплаты налогов и необоснованного возмещения из бюджета налоговых платежей, противоречат основам правопорядка, получила отражение также в постановлениях арбитражных судов²⁰.

В связи с вышеуказанной практикой судов Е.А.Суханов отмечал: «Предъявление налоговыми органами исков о признании конкретных сделок ничтожными как антисоциальных («заведомо противных основам правопорядка или нравственности») на основании ст. 169 ГК, как и их удовлетворение отдельными арбитражными судами, в большинстве случаев представляется необоснованным. По общему правилу сделки, совершенные в обход норм налогового законодательства, должны квалифицироваться как сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам (ст. 168 ГК). Различие незаконных и антисоциальных сделок состоит, прежде всего, в том, что последние не «просто» нарушают закон (или совершаются с целью его нарушения, в том числе путем «обхода»), но посягают на основы правопорядка, т.е. основные начала, принципы общественной, политической и экономической организации нашего общества, либо на его нравственные устои («основы нравственности»)»²¹.

---

²⁰ Киселев А.А. О ничтожности сделок, противных основам правопорядка и нравственности в российском законодательстве // М.: Юрист, 2007, № 11.

²¹ Суханов Е.А. Антисоциальные сделки в науке и практике // ЭЖ-Юрист, 2005, № 8.

Пленум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (далее – Пленум ВАС РФ) в Постановлении от 10 апреля 2008 года №22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» внес ясность в отношении применения статьи 169 ГК РФ налоговыми органами Российской Федерации, установив, что требование налогового органа о применении предусмотренных статьей 169 ГК РФ последствий недействительности сделки, обосновываемое тем, что данная сделка совершена с целью уклонения от уплаты налогов, выходит за рамки полномочий налогового органа, так как взыскание в доход Российской Федерации всего полученного (причитающегося) по сделке не является мерой, направленной на обеспечение поступления в бюджет налогов.

Что же касается определения содержания понятий «основы правопорядка и нравственности», Пленум ВАС РФ ограничился лишь указанием на общие положения «... в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые не просто не соответствуют требованиям закона или иных правовых актов (статья 168 Кодекса), а нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои» и перечислением сделок, которые могут быть отнесены к указанным выше сделкам, тем самым оставив открытым вопрос конкретного содержания понятий.

В связи с вышеизложенным целесообразно отметить, что для нормального функционирования механизма, предусмотренного статьей 169 ГК РФ, необходимо сформулировать четкие критерии содержания понятий «правопорядок» и «нравственность» в контексте гражданско-правовых отношений, особенно, что касается предпринимательской деятельности.

Поскольку виды сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, обстоятельства их совершения, а также последствия их совершения не всегда носят схожий характер, представляется целесообразным включить в текст статьи 169 ГК РФ определенные оговорки, предусматривающие разграничение санкций за совершение сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, а также оснований их применения в зависимости от существенности нарушения. Судам, при вынесении решений о применении последствий, предусмотренных статьей 169 ГК РФ, также следует принимать

во внимание обстоятельства совершения данной сделки (к примеру, обстоятельства, предусмотренные статьей 4 проекта главы “illegality” Принципов УНИДРУА), а не слепо применять норму закона.

О необходимости изменения существующей редакции статьи 169 ГК, а также об актуальности данной проблемы говорит также тот факт, что вопрос о корректировании указанной правовой нормы включен в «Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации», одобренную решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009²². Данный документ устанавливает, что в качестве общих последствий недействительности сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, должна предусматриваться двухсторонняя реституция. Что же касается конфискации, то она должна применяться как альтернативное последствие недействительности сделки лишь в ограниченном числе случаев, прежде всего, когда то или иное общественно неприемлемое имущественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве, а также когда применение упомянутых санкций затруднено.

В заключение необходимо отметить, что в условиях расширения диспозитивности в регулировании частноправовых отношениях, сохранение в Гражданском кодексе Российской Федерации столь существенного института как статья 169 (в особенности ее конфискационных санкций за совершение указанных сделок) в практически неизменном виде не только не способствует развитию рыночной экономики, но в значительной мере затрудняет его.

Библиографический список

Афанасьев Д.В. Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей, отв. редактор М.А.Рожкова, М.: Статут, 2006.

Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право, общие положения // М.: Статут, 1999 г., книга 1.

Киселев А.А. О ничтожности сделок, противных основам правопорядка и нравственности в российском законодательстве // М.: Юрист, 2007, №11.

---

²² <http://rozhkova-ma.narod.ru/resh071009.pdf>.

Суханов Е.А. Антисоциальные сделки в науке и практике // ЭЖ-Юрист, 2005, №8.

Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок. Теоретический очерк // М.: Статут, 2008.

Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение, Сборник научных трудов в честь проф. Б.Л.Хаскельберга / под редакцией Д.О.Тузова, М.: Статут, 2008.

Эрделевский А.М. Об антисоциальных сделках и их последствиях // КонсультантПлюс, 2007.

Infringement of Public Policy and Good Morals as a Ground of Invalidity of Contracts in Private International Law and the Law of the Russian Federation (Summary)

Dmitry V. Fedchuk*

The article describes one of the grounds for rendering contracts invalid – infringement of public policy and good morals, analyses historical development of the terms “public policy” and “good morals” as well as legal regulation of this matter in the international private law, gives recommendations concerning improvement of the Russian legislation.

Keywords: public order; good morals; contracts; illegality; restitution; confiscation.

---

* Dmitry V. Fedchuk – post-graduate student of the Russian Foreign Trade Academy. fedchuk_dmitry@bk.ru.